

Глава 1

Слезы Соловья

Берег Перибонки, суббота, 2 декабря 1939 г.

С самого рассвета крупными хлопьями падал снег. В старой хижине Талы, превращенной с годами в благоустроенный дом, от досок которого все еще исходил легкий смолистый аромат, царил глубокая тишина. Стоя у окна, Эрмин не узнавала знакомый сердцу зимний пейзаж: только белая, однообразно белая пелена.

Она стукнулась лбом о стену и застонала, словно раненый зверь. Она боролась с непреодолимым желанием изо всех сил удариться головой об оконное стекло, разбить его, ощутить боль, чтобы начало страдать тело и перестала страдать душа.

— Нет, нет! Только не это! — простонала она. — Дитя мое, радость моя, мой малыш...

Страшная картина, которая неотвязно терзала ее, вновь завладела ее сознанием. Снова и снова ей чудилась колыбелька, в которой покоился ее сыночек трех недель от роду, совсем еще крошечный, но неподвижный, спящий вечным сном.

— Мой маленький Виктор никому не причинил зла! — растерянно шептала она. — Ну за что Господь наказал моего ангелочка? Он же ничего дурного не сделал! Ну почему Он отнял его у меня? Это невозможно...

Ребенок умер 15 ноября, а Эрмин все никак не могла оправиться от потери, поскольку во всем винила только себя. Бледная, похудевшая, с разметавшейся по плечам копной светлых волос, она монотонно раскачивалась взад-вперед и снова билась лбом о деревянную перегородку.

«Все оттого, что мы были слишком счастливы, — думала она, терзаемая угрызениями совести. — Все из-за меня. Я впа-
ла в грех тщеславия, в погоне за славой пренебрегла мате-
ринским долгом. Никогда себе этого не прощу! Настоящая
женщина бережет себя, когда носит ребенка, а я без конца
разъезжала, соглашалась на любые контракты. Предупреждал
же меня Тошан!»

При мысли о муже она горестно вскрикнула. Он все еще не
вернулся, и его отсутствие становилось непереносимым.

Эрмин была нервная дрожь, и она погрузилась в воспоми-
нания, которые бережно хранила в душе.

«Конечно, когда-то раньше были и мы счастливы на этой
земле! — думала она. — Скоро минет пять лет с того дня, как
я вернулась в Квебек и провела здесь с Тошаном несколько
дней. Было это в январе тридцать пятого. Бог ты мой, как тог-
да все здорово получилось! Мне удалось выбраться к любимо-
му, чтобы вместе отпраздновать Рождество¹. Дети были у мамы
в Валь-Жальбере. Мы остались вдвоем, вдалеке от всех и вся,
совсем одни, и от этого были счастливы. Какое это было рай-
ское блаженство, когда мы спали, укрывшись шкурами, как
индейцы. До чего прекрасные ночи мы проводили! А потом
я выступала в “Фаусте” в Капитолии², я никогда еще так хоро-
шо не пела, а все потому, что была безмерно счастлива».

Смех детей и наставления Мадлен, их кормилицы, внезапно
вывели ее из задумчивости. Молодой индианке монтанье при-
ходилось прилагать немало сил, чтобы воспитывать близнецов,
Мари и Лоранс, которым скоро должно было исполниться
шесть лет. По темпераменту девочки были очень разные. Спо-
койная, уравновешенная Лоранс могла часами рисовать каран-
дашом и красками. Она была послушной и робкой. А вот неуго-

¹ См. вторую книгу трилогии «Нежная душа. Сиротка». Отношения меж-
ду Эрмин и Тошаном были натянутыми, и Эрмин решила приехать к То-
шану и помириться с ним. (*Здесь и далее примеч. автора, если не
указано иное.*)

² Квебекский театр, где Эрмин дебютировала в опере. В этом же здании
располагалось Управление кинематографии.

монной Мари все время нужно было двигаться. Потому, несмотря на тесные узы, связывающие ее с сестрой, раскрашиванию картинок она предпочитала игру в снежки. И хотя волосы у нее были светлые, в ее жилах текла неукротимая кровь индейцев.

Что касается Мукки¹, это был славный семилетний мальчик, шаловливый и непослушный.

«Мадлен тоже пережила большое горе, — сказала себе Эрмин. — Но она такая набожная, что сумела смириться. Похоже, вера защищает ее и помогает любить моих детей не меньше, чем она любила собственную дочь».

Мадлен, которую на языке индейцев звали Соканон², так и не постриглась в монахини, не ушла к сестрам в монастырь Нотр-Дам-дю-Бон-Консей в Шикутими. Готовясь стать послушницей, она вверила монахиням свою полуторогодовалую дочь. Однако встреча с Эрмин полностью изменила ее планы. Целых два года она была кормилицей и няней Лоранс и Мари, а потом так и не смогла расстаться с ними. Более того, ей казалось, будто наконец-то она обрела тихое семейное счастье, деля его поровну между особняком Лоры Шарден в Валь-Жальбере и домиком на берегу реки Перибонки. Она уже подумывала о том, чтобы забрать к себе дочку, но малютка умерла от менингита.

— На то воля Божья! — говорила молодая кормилица сквозь слезы. — Мое дитя станет ангелом небесным, а я буду за нее молиться денно и ночью.

После смерти дочери Мадлен перенесла всю свою материнскую любовь на близнецов, и они любили ее так же пылко. Иногда это вызывало у Эрмин досаду, но из-за многочисленных ангажементов, которые навязывал ей импресарио Октав Дюплесси, выбора не оставалось.

¹ Мукки значит «ребенок». Первого сына Тошана окрестили Жослином, в честь отца Эрмин, Жослина Шардена, но дома называли Мукки.

² Женское имя, означающее «дождь» на алгонкинском, одном из диалектов языка монтанье.

«Я убила своего ребенка, я убила Виктора, — причитала она, бросая тоскливый взгляд на снежную завесу за окном, которая становилась все плотнее. — Врач в Монреале предупредал меня, а я не послушалась. Он советовал мне отдохнуть, отказаться от выступлений».

Эрмин закрыла лицо руками. Теперь она проклинала и свою известность, и свой успех. А между тем Канада гордилась таким сокровищем, которому уже завидовала вся Европа. «Снежный Соловей» — стояло на сотнях афиш, и одно это обеспечивало аншлаг. В газетах и журналах на все лады превозносили чистоту и красоту ее голоса, ее прелестные золотистые волосы, ее огромные голубые глаза, ее белоснежную, словно излучающую сияние кожу, матовый цвет лица. Лора, испытывавшая законную материнскую гордость, собирала статьи, вырезки из газет и журналов, в которых признавалась красота молодой певицы и восхвалялся ее талант.

«Но раньше-то все это не мешало мне жить так, как хочется, — продолжала размышлять Эрмин. — Тошан все же позволил мне уехать, а ведь он изо всех сил старался убедить меня отказаться от карьеры. В конце концов он понял, что значит для меня искусство, смирился с тем, что я не могу не петь. А ведь раньше он грозился бросить меня, если я снова выйду на сцену! И иначе как чудом это не назовешь. Он хотел, чтобы я была счастлива, даже делал вид, что ему нравится меня ждать. А еще он говорил, что певчей птичке не пристало томиться в клетке, пусть даже в золотой!»

И действительно, последние четыре года Тошан, ее муж, ирландец по отцу и индеец по матери, всячески поддерживал свою молодую и очаровательную жену, чтобы она могла сделать блистательную оперную карьеру. Но поставил одно условие: зиму они будут проводить вместе с их тремя детьми здесь, в этом домике, который он с каким-то упоением расширял и обустроивал собственными руками. И Эрмин держала свое обещание. Она возвращалась в лоно семьи в середине октября в сопровождении своего жизнерадостного эскорта, состоявшего исключительно из женщин — Мадлен, близнецов, да еще

Шарлотты, своей неизменной гримерши и костюмерши. Этой девушке, двадцати лет от роду, нравилась такая бурная жизнь с переездами из одного роскошного отеля в другой, со сменой театров. Гораздо меньше ей хотелось проводить долгие холодные месяцы в затерянном в лесах домике.

От поселения на реке Перибонке, принадлежавшего Тошану, сюда надо было добираться несколько часов лесом по проселочной дороге. Он рассчитывал превратить дом в уютное имение для своей семьи. Эта земля досталась ему в наследство от Анри Дельбо, золотоискателя богатырского сложения, которого поглотила и унесла река. Тошан мечтал о том времени, когда его сын Мукки будет весенней порой играть здесь на поляне. Он научил его мастерить лук и стрелы, брал с собой в лес, чтобы показать, как читать следы животных. Когда Тошан ходил охотиться с ружьем, мальчуган шел вместе с ним, гордый тем, что сопровождает отца.

— Как же мы были счастливы тогда! — вздохнула все еще погруженная в свои мысли Эрмин.

Во время своих турне она вела «бортовой журнал» и в шутку сравнивала себя с капитаном судна.

— Все роли, о которых я мечтала, мною сыграны, — сказала она себе, отвлекаясь от грустных мыслей. — Мадам Баттерфляй в Метрополитен Опера в Нью-Йорке¹. Боже правый, там такой огромный зал, а все равно мест на всех не хватило, зрители даже стояли в проходах. Я испугалась, думала, упаду в обморок.

А совсем недавно, в апреле 1939-го, по случаю Всемирной выставки она снова выступала в этом огромном американском городе. Перед восторженной толпой она запела:

О, Канада,
 Наших предков страна,
 Много славных цветов увенчало тебя...

¹ Первое здание, построенное по проекту Дж. Ливленда Кейди и открытое 23 октября 1883 г., находилось на Бродвее между 39-й и 45-й стрит. Оно пострадало от пожара в 1892 г., а после реставрации использовалось до 1966 г.